

МОРОЗОВА ДАРЬЯ

**ЦВЕТ:
БЕЛЫЙ**

16+

Вес радуги

Дарья Морозова

Цвет: белый

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Морозова Д. В.

Цвет: белый / Д. В. Морозова — «ЛитРес: Самиздат»,
2021 — (Вес радуги)

Что вы знаете о токсичных отношениях? Когда-нибудь бывали в них? А может, вы сейчас в них? Джон Уитмор-младший - сын удачливого банкира с Уолл-стрит - умён, расчётлив и богат. Конкуренты его ненавидят и боготворят. Для окружающих он - "ледяной бог"! Однако у него есть слабость, имя которой Мэри-Энн. И это совсем не очередная сладкая история о любви: это история о настоящей борьбе с самим собой. Кто выйдет из неё победителем?..

Содержание

-1-	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дарья Морозова

Цвет: белый

*Все персонажи являются вымышленными,
и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно*

-1-

– Я поживу у тебя пару дней.

Она произнесла это с деланной лёгкостью, старательно избегая взгляда молодого подтянутого видного мужчины в дорогом деловом костюме, восседающем за столом из красного дерева.

Девушка 23 лет делала вид, что её крайне интересует горбатый нос раскинувшего крылья серебряного орла рядом с пресс-папье.

Мистер Джон Уитмор-младший откинулся на спинку кожаного кресла и сцепил перед собой кончики пальцев, насмешливо изогнув красивые тонкие губы.

– Я же всегда так делаю. Разве ты против? – с вызовом вздёрнув подбородок спросила его гостья, набравшись смелости быстро поднять глаза. Девушка не любила паузы, которые держала не она.

Нет, Джон был не против. Он вспомнил, как в прошлый раз она вернулась к нему иначе: принесла билеты на «Волшебную флейту», прекрасно зная, что та не является музыкальным произведением, входящим хотя бы в десятку его любимых. Если на то пошло, то он вообще не любит оперу. Просто ей нужен был предлог. Предлог вернуться, *как бы* непринуждённо, *словно* ничего не было, *будто* они продолжили разговор с того, на чём остановились несколько месяцев назад.

А до этого она пришла к нему с заискивающей улыбкой и букетом белых лилий, хозяйски заменив ими скромный букет алых бутонов на журнальном столе. Эти лилии источали приторно-навязчивый запах, но он не выбросил их тогда, терпел. Девушка однозначно дала понять: розы – это крайне неудачный выбор.

Ещё раньше она под села к нему в ресторане и с искренним беспокойством стала интересоваться, почему он так мало ест.

Что было в начале этой мучительной игры, Джону не хотелось вспоминать.

Ничего не ответив девушке, он подался вперёд и снял трубку телефона.

– Клейстон, это я. Подготовьте, пожалуйста, комнату мисс Пилтон. Она задержится у нас на некоторое время.

– Только на несколько дней, – нахмурил красивые брови, поправила его гостья.

Молодой человек смерил её тяжёлым взглядом.

Мисс Мэри-Энн Пилтон была невероятно хороша собой и не стеснялась этого. Миндалевидные карие глаза с поволокой блестели и завораживали, невозможно было не поддаться им. Мягкий алый рот, пышные каштановые волосы, чистая нежно-розовая кожа, аккуратные ушки – всё это Господь создал явно для другого характера.

Так с горечью думал Джон, одёрнув себя в тот момент, когда, слушая короткую благодарность поднявшейся на ноги девушки в бардовом платье, самым выгодным образом, подчёркивающим женскую фигуру, ощутил в сердце робкую надежду: «Может в этот раз навсегда?».

– Глупости! – сурово нахмурился молодой человек и после ухода девушки принялся за работу.

Сегодня ему надо было решить, банкротить или нет два мелких банка, выгодно ли вложиться в разработку одной из шахт в Африке, стоило ли соглашаться на предложение старых партнёров покойника-отца о сотрудничестве. Он знал, что эти люди ненавидели и презирали его в той же степени, какой вынуждены были смотреть ему в рот и следить за каждым его вложением и операцией: мистер Джон Уитмор-младший доказывал из года в год, что не просто не хуже основателя Уитмор Игл Корп., а куда сильнее и безжалостней. И права на ошибку он себе сам не даёт, сам изводит себя, даже гнобит, если просчитывается или не учитывает какой-нибудь фактор.

Вот и сейчас: он не должен ошибиться. На кону его репутация, престиж. За спиной незримо стоит призрак отца-брюзги с поджатыми губами.

Визит Мэри-Энн каждый раз выбивал его из колеи, а принимать решения с беспокойным сердцем и гулом в ушах было неприемлемо. Чтобы вернуть себе деловой настрой Джон идёт на крайнюю меру: злость на самого себя обращает в деловую ярость. Вряд ли решения будут идеальными, но они возьмут дерзостью, а это в деловом мире кое-чего да стоит.

Однако ближе к 5 вечера его прервали. Секретарь доложил, что его аудиенции настойчиво просит некий мистер Димитриадис по личному вопросу.

Джон сверился со своим расписанием – никаких совещаний или встреч до конца дня не предвиделось – и разрешил впустить посетителя.

На самом деле ему было любопытно посмотреть на очередного брошенного любовника Мэри-Энн. Он знал, что их отношения завершатся именно так, просто расстроился, что просчитался со сроком: он давал им год, но чувства остыли менее чем за полгода.

Молодой Уитмор унаследовал этот кабинет от своего отца – удачливого и расчётливого брокера. К счастью для всей семьи, его деловую хватку и острый ум также щедро достались наследнику. Кроме того, он обладал немаловажным даром располагать к себе людей любого сословия, поэтому вошедшего мистера Димитриадиса – сын владельца парфюмерных магазинов – встретила мягкая вежливая улыбка, которая охладила пыл молодого человека и несколько спутала ему подготовленную речь.

Данакт Димитриадис с благодарностью сел в предложенное ему кресло, а Джон неторопливо достал сигарету, с пониманием отнёсся к отказу визитёра последовать его примеру, и с чувством сделал первую затяжку. Молодой человек был хорошо сложен и очень хорош собой: большие чёрно-карие глаза, правильные черты лица, чуть выющиеся тёмные волосы. Ему бы стать пианистом или скрипачом, тогда бы скрытая музыка во всей его фигуре смогла бы найти достойное выражение. Впрочем, потомок гордых греков сейчас представлял собой весьма жалкое зрелище: сутулый, с синяками под глазами с потухшим взором, искусанные губы, покрытые тонкой корочкой чуть подживших ран. Джон помнил этого блестящего представителя холостяков их круга сильным и решительным, но в данный момент перед ним сидел кто-то робкий и сломленный, безжизненный.

– Не будем ходить вокруг да около, мистер Димитриадис. Вы пришли сюда не ради акций, займов и процентов: пока Ваша семья неплохо справляется без моей помощи. Значит, срочное дело не связано с бизнесом. Вы расстались с мисс Пилтон, не так ли?

Болезненная гримаса тут же исказила измученное лицо, подрагивающие руки гостя потянули тугой узел галстука, ослабляя его.

– Она была тут, да? – вместо ответа спросил он и как ищейка втянул носом воздух, надеясь уловить аромат духов. – Я хотел... Словом, она не отвечает на мои звонки и письма. Букеты...

– Сколько Вы их уже послали? – перебил его Джон, растягивая постыдное удовольствие от чёрного триумфа над этим бедным парнем с разбитым сердцем. А ведь он говорил, ведь он предупреждал о том, что очередная придуманная сказка Мэри-Энн не продлится долго. Но девушка снова отвела ему роль злодея, поэтому Димитриадис не послушал его. Ни один из них не слушает Джона.

– 15.

Владелец роскошного кабинета лениво стряхнул пепел и, чуть сощурился выразительные серые глаза, спросил молодого человека напротив себя: «С запиской?».

Тот беспомощно кивнул и судорожно вдохнул, явно силясь сдержать болезненный стон.

– Она... Мисс Пилтон... Я просто не понимаю, что я сделал не так, в чём провинился! Я могу измениться, я могу объяснить всё, о чём она спросит, я никогда не хотел ни словом, ни делом обидеть её! Я просто не понимаю. Не понимаю, что произошло. Я же всё делал для неё!

Всё! Она ни в чём не знала отказа! Почему же она так резко охладела ко мне?.. Вы... Вы тогда сказали, но я не поверил Вам. Скажите, откуда Вы знали, что у нас ничего не получится?

Джон слушал сбивчивую речь несостоявшегося жениха Мэри-Энн и не мог сдержать ликования и ощущения собственного величия. Кто-то смотрит на девиц, танцующих на деревянной сцене и бесстыже задирающих юбки, а ему нужно именно это – вид униженного и раздавленного собственной любовью человека. От такого зрелища электрические токи дрожат под кожей. Он даже не скрывает ни своего хищного выражения лица, ни влажного взгляда, ни шумного дыхания, которое маскируется под курение.

Джон помнил, каким дерзким и смелым выглядел полгода назад этот молодой человек, который сейчас явно плохо ест и спит, много плачет, и, скорее всего, утратил интерес ко всему, кроме мисс Пилтон.

Что он *тогда* сказал Джону? Ах да!

– Вам следует научиться держать себя в руках, мистер Уитмор. Имейте достоинство отпустить девушку, которая давно уже не любит Вас! Ваша обязанность как джентльмена с честью принять факт того, что не всё в этом мире принадлежит Вам!

– Повторяю, – спокойно парировал Джон, стряхнув пепел. – Я даю вам обоим год, может чуть меньше. Будет зависеть от того, как быстро она покажет зубы, а Вы – не сможете вернуться от них.

Димитриадис сжал кулаки и сделал шаг вперёд, но Мэри-Энн остановила его, смерив Джона холодным взглядом.

И они ушли. Мэри-Энн цеплялась за руку счастливого и гордого Димитриадида, пока тот был преисполнен самых радужных надежд: ещё бы, дать отпор не кому-нибудь, а самому Уитмору-младшему! Богатейшему воротиле на Уолл-стрит! Мэри-Энн – этот ангел во плоти – выбрала не миллионы, а его! Значит, он достоин и способен сделать её счастливой!

Тогда влюблённый Димитриадис был уверен в том, что свадьба с прекраснейшей девушкой на свете – вопрос самого ближайшего времени. Но как же жестоко он ошибался!

– Давайте я расскажу вам, как всё шло в эти месяцы, – предложил Джон. – Я могу ошибаться в деталях, но общая картина будет довольно точной. Начнём с того, что Мэри-Энн – обворожительная, яркая, бесконечно внимательная – убедила Вас, что я держу её, насильно заставляю быть подле меня, ограничиваю в средствах, мешаю свадьбе с любимым человеком... – Заметив намерение собеседника что-то сказать, Уитмор-младший сделал лёгкий повелительный жест рукой: не надо его перебивать. – Затем Вы оба победили меня, раскрыли ваши и без того очевидные чувства, и, сразив дракона, отправились на белом коне в прекрасный розовый закат. Первое время совместная жизнь кажется чудесным сном, раем для двоих. Она говорит Вам, что знает, о чём вы думаете, грустит, что вы бросите её, когда она наскучит вам. Вы пылко и страстно убеждаете её в обратном, она мягко улыбается вам, заставляя чувствовать себя виноватым в том, что вы ещё не сделали. Её милая постоянная ревность доставляет вам удовольствие. Поначалу. Вы купаетесь в её нежности и внимании, чувствуете себя королём всего мира! Она говорит вам то, что вы хотите услышать, но в то же время твёрдо даёт понять, что ваше мнение *всегда* должно совпадать с её, как и вкусы, интересы и прочее. Инакомыслие строго пресекается и карается ссорой. И вы готовы подстроиться под неё. Готовы пойти против собственных интересов и принципов, лишь бы она улыбалась и дарила Вам всю себя. Но вот на ваше совместное безоблачное будущее наплывают первые тучки: она видит, как вы стараетесь врать самому себе ради неё, путаетесь в собственных убеждениях, и тогда начинаются упрёки, ссоры, пренебрежение. Вы пугаетесь, пытаетесь всё исправить, ведь вы зависите полностью теперь от её настроения. Вам нужно услышать от неё «доброе утро!», но отныне и это нужно заслужить. Ваше сердце начинает кровоточить, ведь почему-то ваши поступки, слова, малейшее движение вызывает раздражение и неприятие. Вы становитесь хуже всех. Находятся любые поводы, чтобы отказаться от совместного ужина или поездки. Дорогие подарки пере-

стают удивлять и восхищать её, она принимает их с выражением обречённости и презрения к вашему выбору. Всё недостаточно утончённо или модно. Иногда Вы просто «должны были знать, что ей нравится», хотя она точно об этом не упоминала даже вскользь. А потом она говорит, что нужно разъехаться. На время, конечно. Просто всё слишком быстро произошло, и она не смогла разобраться в своих чувствах. О нет, она по-прежнему любит Вас, и Вы ей дороги, просто ей невыносимо видеть, как сильно она ранит Вас. Она чувствует, что изменилась: новая Мэри-Энн хочет издеваться над вами, но прежняя Мэри-Энн не хочет этого допустить. И Вы соглашаетесь, хотя в глубине души понимаете: это конец. Но Вы глотаете это, как и её новых знакомых, с которыми регулярно видите рядом с ней, убеждаете себя, что её залихватский смех над чужими шутками – всего лишь дань хорошим манерам. В ваши короткие встречи она убеждает Вас, почти не глядя в глаза, что Вы важны для неё, хотя она понимает, как больно Вам сделала и корит себя за это. Вы хватаете её за руки, а она прячет их за спину, даже не скрывая, как неприятны ей ваши прикосновения. Наконец вы шлёте ей цветы, платья, украшения. Вы сходите с ума, потому что почти всё она возвращает обратно. Или не возвращает. И тогда вы приходите в настоящее отчаяние... – Джон резко оборвал свой рассказ, чтобы насладиться видом близкого к обмороку гостя: тот слушал историю их с Мэри-Энн отношений и уже на середине стал мелко дрожать от напряжения и нахлынувших воспоминаний.

Джон выпустил струйку дыма и деловым тоном поинтересовался.

– Сколько раз вы вставали перед ней на колени?

Димитриадис даже не вздрагивает, когда слышит вопрос. Он полностью во власти этого пристального, схожего с гипнотизирующим взглядом кобры и мягкого обволакивающего голоса сирены.

– Не помню. Раза три. Может больше. Один раз при её гостях...

Джон едва приподнимает левую бровь: его рекорд до сих пор не побит. Жаль.

– Снова вспомнил то, что хочется забыть, – мысленно ворчит на себя молодой мужчина. – Неужели и я так жалко выглядел 5 лет назад? Уверен, что ещё хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.